

Глава 77. Литературное собрание восьми академий

— Что за шум и гам?!

Из дома вышла пожилая женщина. Уголки её глаз были слегка приподняты, а взгляд, казалось, резал, словно нож. Три невестки, встретившись с ней глазами, почувствовали, как по спине пробежал холодок, и на мгновение воцарилась гробовая тишина.

— Старшая, говори ты, — начала старая госпожа Ань.

— Матушка... я только что подошла, ещё сама толком ничего не поняла... лучше спросите их двоих...

— Разве не ты разглагольствовала, когда я выходила? — старуха метнула в неё гневный взгляд.
— Раз ничего не знаешь, то и впредь помалкивай, сиди в своей комнате и не высывайся!

Госпожа Ян застыла и, поспешно поклонившись, удалилась.

— Вторая, раз она молчит, говори ты.

Госпожа Чэнь уже было собралась завывать в голос, но суровый взор свекрови заставил её осечься.

— Матушка, разве не вы велели нам хорошенько принять сюця Чу, когда он сегодня придёт? Я с раннего утра ждала гостя в переднем дворе. Как только он приехал, я пригласила его присесть. Людей не хватало, поэтому я попросила Таохуа заварить чай. Но кто бы мог подумать, что мальчишка, который был с ним, вдруг толкнёт мою дочь! Мы и опомниться не успели, как они вышли, а третья невестка ворвалась и вlepила моей девочке пощёчину. Матушка, вы же всегда говорили, что Таохуа у нас как нежный цветок. А теперь Чу Юнь ударила её на глазах у постороннего мужчины! Как ей теперь замуж выходить? Уж лучше волосы остричь и в монахини податься!

Госпожа Чэнь прикрыла лицо рукавом и принялась всхлипывать. Таохуа тоже снова зарыдала. Мать и дочь развели такую скорбь, будто их постигло величайшее горе.

Выражение лица старухи не изменилось. Она перевела взгляд на стоявшую в стороне Чу Юнь.

— Третья невестка, теперь твоя очередь.

— Здесь нет чужих, так что скажу прямо. Мои родные и раньше приходили в гости, но я не припомню, чтобы вторая невестка проявляла такое рвение. Ты говоришь, что послала Таохуа заварить чай, а они, неблагодарные, толкнули её? Чай пролился на одежду, но почему я не

вижу на теле племянницы ни единого ожога? Неужели в нашем доме теперь принято подавать гостям холодную воду?

Чу Юнь смерила родственниц насмешливым взглядом. Она заметила это, как только помогла девушке подняться, и было трудно не заподозрить, что у тех на уме нечто иное.

— И ещё, разве не в порядке вещей, когда старшие поучают младших? Прежде вторая невестка, когда отчитывала мою Синьсинь, никогда не разбирала, дома мы или на людях. Как только что-то вспомнит, так сразу и начинает браниться. К тому же я пеклась о добром имени семьи Ань. Если характер Таохуа не исправить, то, выйдя за порог, она опозорит всю нашу семью.

Старая госпожа Ань посмотрела на Чу Юнь со странным выражением. За те десять с лишним лет, что невестка жила в их доме, та никогда не выказывала подобных эмоций. Похоже, затея второй невестки и впрямь была обречена на провал.

Глава семьи кашлянула и произнесла:

— Третья невестка права, мы не можем уронить честь семьи Ань. Вторая невестка поступила по глупости, и в наказание я велю ей месяц стирать одежду всех домочадцев. Если что-то испортит — вычту из пайка её семьи. Что до Таохуа... Возвращайся в свою комнату! Позавчера приходили свататься из семьи Сунь, я уже дала согласие. Через несколько дней они принесут свадебные дары, так что сиди дома и не выходи. Третья невестка, как тебе такое решение?

— Как свекровь решит, так и будет. У невестки нет возражений, — лицо Чу Юнь вновь стало спокойным, словно она опять превратилась в прежнюю себя.

А вот госпожу Чэнь и её дочь словно громом поразило. Семья Сунь была небогатой, да ещё и свекровь там славилась своей жестокостью. С характером Таохуа ей там придётся несладко! А ведь старуха обещала, что сделает всё возможное, чтобы сосватать её за сюцзя Чу!

Мать уже готова была разразиться возражениями, но, встретив ледяной взгляд старой госпожи Ань и вспомнив её изощрённые методы расправы, госпожа Чэнь почувствовала, как подкосились ноги. Всё кончено!

Прогнав виновниц шума в их комнату, пожилая женщина тут же сменила выражение лица на самое благодушное.

— Прошу прощения у сюцзя Чу за эту сцену. Та женщина из простой семьи, манер не знает. Сегодня она действовала из добрых побуждений, но всё вышло наперекосяк. Прошу вас, не держите зла. Вашу тётку я всегда любила как родную дочь, а её родные для нас — всё равно что наши собственные. Когда я услышала, что вы строите новый дом, я сразу подумала, каково придётся племяннице-невестке на сносях, и велела вашим дяде и тёте немедленно забрать её сюда, чтобы окружить заботой. Теперь вот родилась прекрасная дочка, вы её ещё не видели,

верно? Не позволяйте случившемуся испортить вам настроение, идите скорее, взгляните на неё.

Чу Цы оценил искусность речи старухи. Сначала она ловко представила сегодняшнюю грязную выходку как неуклюжую попытку невежественной женщины сделать добро. Затем тонко намекнула, что его тётя по-прежнему находится под её властью. И напоследок напомнила о той милости, что семья Ань оказала Чу, не оставляя ему выбора.

Юноша улыбнулся.

— Старая госпожа, вы справедливы и мудры, разве посмеет такой ничтожный ученик, как я, таить обиду? Мы в большом долгу перед вами за вашу заботу. Когда новый дом семьи Чу будет готов, мы непременно пригласим вас погостить, чтобы вы принесли нам удачу и долголетие. Вы, должно быть, устали, так что я не буду вас больше утомлять.

Он и не думал рвать отношения. Старуха была умна, а умные люди всегда поступают рассудительно. Пока он будет продолжать свой путь наверх, жизнь его тётя в этом доме будет становиться всё более комфортной. Зачем доводить дело до полного разрыва, ставя Чу Юнь в неловкое положение?

Услышав эти слова, старая госпожа Ань просияла ещё больше и несколько раз повторила, чтобы гость не стеснялся и чувствовал себя как дома.

В заднем дворе не было толком слышно, что происходило в переднем. Матушка Чу и остальные были здесь гостями, как они могли без спроса вмешиваться в чужие дела?

Когда Чу Цы с мальчиками подошли к ним, на их лицах уже не было и тени недавнего волнения.

Матушка Чу очень обрадовалась их появлению и принялась расспрашивать о делах. Поскольку сюцай, в отличие от Сяо Юаня и Юй-эра, не мог войти в комнату роженицы, мать завернула новорождённую в одеяльце и вынесла ему показать.

Юноша посмотрел на крошечную девочку. Хоть ей было всего пять или шесть дней от роду, её кожа была белой с розовым отливом, волосы — угольно-чёрными, носик — изящным, а губы — словно вишенки. Когда она открыла глаза, её большие, миндалевидные очи уставились на него, и сердце Чу Цы растаяло.

— Шаньшань, это твой младший дядя. Расти скорее, дядя будет рисовать картины, чтобы заработать тебе на красивые заколки, — тихим голосом ворковал он с маленькой племянницей. Глядя на эту картину, старая госпожа Чу не могла сдержать улыбки.

Чу Цы достал приготовленные подарки и положил их в свёрток с Чу Шаньшань. Увидев это, его

мать вздохнула:

— Зачем же так много? Обычной девочке и одного такого подарка хватило бы на всю жизнь.

— Впереди будет ещё больше, матушка, не беспокойтесь. Наша семья будет становиться только лучше и лучше.

Пока они разговаривали, Чу Сяюань и Чжунли Юй вышли от Шэнь Сюнян с холщовыми мешочками, набитыми пирожными и фруктами.

Мальчик потянул бабушку за одежду:

— Бабушка, можно мы с Юй-эром тоже подержим сестричку?

— Сестричка ещё слишком маленькая, даже твой дядя её не держит. Подержите через несколько месяцев, — заметив разочарование на их лицах, матушка Чу добавила: — Держать нельзя, но посмотреть и потрогать можно.

Она села на низкую кушетку рядом и показала им младенца. Две маленькие ручки осторожно потянулись к личику девочки.

Чу Шаньшань, словно почувствовав нежность своих старших братьев, слегка приподняла уголки губ, будто улыбнувшись. При виде этого все — и взрослые, и дети — расплылись в глуповатых улыбках.

После того как Чу Цы навестил маленькую племянницу, он стал трудиться ещё усерднее. Сладких забот становилось всё больше, и если он не приложит усилий, счастливая жизнь так и останется несбыточной мечтой.

Каждый день, едва рассветало, он отправлялся с книгой к озеру, а по вечерам, дождавшись, пока преподаватель совершит обход, тушил свечу и возвращался из учебного корпуса в общежитие.

Как говорится, когда тот, кто талантливее тебя, ещё и усерднее, как тут выжить остальным? Охваченные этим тягостным чувством, остальные ученики были вынуждены последовать его примеру и тоже засиживаться за заданиями допоздна.

Видя, как с каждым днём учебные классы становятся всё более заполненными, юноша тоже ощутил укол тревоги.

«Что это с ними со всеми? — подумал он. — Внезапно все так вспыхнули рвением, что я оказался под огромным давлением!»

Поэтому он стал учиться ещё прилежнее.

Учителя уездного училища, разумеется, только радовались такому положению дел. Раз студенты так усердствуют, может, в этом году на провинциальных экзаменах пройдёт больше людей.

Дни летели, как челнок ткача, время несло неумолимо, и вот уже приблизился конец месяца.

Когда Чу Цы по вызову главы академии пришёл в его кабинет, он обнаружил там Чэнь Цзыфана и Цзян Хуая.

— Не знаете, зачем глава нас троих позвал?

— Понятия не имею. Может, распределить места для экзаменов?

Пока главы академии не было, они принялись обсуждать причину вызова. Он вдруг вспомнил учителя, которого видел в начале месяца, и предположил, что дело связано именно с тем случаем.

И действительно, как только глава академии пришёл, он объявил, что они трое были единогласно выбраны всеми учителями уездного училища, чтобы представлять училище уезда Юаньшань на состязаниях в окружном училище. Соперниками их будут ученики из шести других уездных училищ и самого окружного.

Судя по результатам прошлых лет, их учебное заведение и соседнее училище уезда Маошань были братьями по несчастью, вечно оспаривая между собой предпоследнее и предпредпоследнее места среди восьми академий.

Но если говорить о настоящих неудачниках, то это было училище уезда Цзюньшань. Поскольку оно располагалось в уезде, напрямую подчинённом области, окружное училище было совсем рядом. И ни по уровню преподавателей, ни по условиям обучения оно не могло с ним соперничать.

Это приводило к тому, что все способные ученики стремились попасть в окружное училище. А если в уездном и появлялось несколько талантливых ростков, учителя из окружного, словно гиены, учуявшие падаль, тут же прибегали с лопатами и «выкапывали» их себе.

Качество учеников там было низким, поэтому на ежегодных состязаниях они стабильно занимали последнее место. Глава училища Цзюньшань порой даже хотел предложить: может, впредь называть это состязание не «Литературным собранием восьми академий», а просто

«семи»?

Раз уж глава академии объявил о решении, значит, оно было окончательным. Все трое согласились. Глава велел им готовиться: завтра, после месячного экзамена, за ними пришлют повозку, а сопровождать их будет учитель Чжу.

Попрощавшись, все трое вышли из кабинета. Чэнь Цзыфан молчал и выглядел озабоченным.

— Брат Чжунсин, что с тобой?

Цзян Хуай, напротив, был в восторге. В прошлые годы ему уже доводилось бывать на этих литературных собраниях. Там можно было встретить множество выдающихся талантами учеников, услышать немало произведений, которые потом у всех на устах, а главное — прославить своё имя.

Юноша удивился, ведь прежний владелец тела там не бывал. Но, поразмыслив, он понял причину. Прежний Чу Цы был замкнутым и нелюдимым, и отправить его на такое мероприятие было бы настоящим испытанием. Учитель Цинь прекрасно это понимал и потому не выдвигал его кандидатуру, а когда другие учителя предлагали, он всегда отказывал, оберегая подопечного.

— Ничего, — Чэнь Цзыфан слабо улыбнулся, но тут же снова опустил уголки губ, возвращаясь к своему прежнему угрюмому виду.

<http://bllate.org/book/15354/1438881>